

Глава 403 - Взрыв Призрака

Только тогда, когда маги уже не могли больше сдерживать натиск призрака, внезапно, в кромешно темной ночи, фигура выскочила из-за кустов рядом с епископом.

«Что...»

Епископ был сбит с толку.

Бэнджаминь, который должен был стоять посреди команды магов, подкрался к ним и внезапно объявился, когда они ослабили свою бдительность.

Выражение лиц жрецов стало кислым. Епископ приказал призраку вернуться и охранять его.

Когда Бэнджаминь выскочил, его цель была очевидна: он пришел за епископом, но его взгляд был направлен на сверкающую чашу.

«Даже не думай об этом! Не смей даже пытаться отнять эту святую реликвию!»

Лицо епископа было холодным, как лед.

По его приказу фантом полетел со скоростью света и мгновенно вернулся к нему. Он открыл рот и кинулся к Бэнджамину, создавая магический колеблющийся рев. Бэнджаминь остановился на некотором расстоянии при виде этого.

В тот момент он внезапно остановил своё нападение.

В момент, когда он выскочил из кустов, вокруг него вращались крошечные ледяные лопасти. По взмаху его руки ледяные клинки были брошены, как бескрайние брызги гальки, брошенной в озеро.

Но крошечные беспорядочные ледяные лезвия не были направлены на епископа, а вместо этого они были направлены на жрецов.

«Кому нужна твоя тупая чашка? Она слишком дешевая, даже чтобы пить из неё!»

После этого нападения Бэнджаминь насмеялся над ним, когда он контролировал водяной пар, чтобы тот оттащил его назад, подальше от врага.

Это верно. С самого начала он и не думал о том, чтобы забрать чашу. Он хотел избавиться от жрецов.

Что касается жрецов, они не думали, что Бэнджаминь пришел за ними. Они были заняты предоставлением священного света чаше, и у них не было возможности и времени, чтобы призвать щит священного света.

Ледяные лезвия разлетелись, как саранча. Кресты, надетые на жрецов, были разбиты, а щиты активированы, чтобы защитить их. Но позиция, в которой они находились, была слишком неудачной, их щиты не могли спасти их от дождя сотен ледяных лезвий. Итак, Бэнджаминь победил в этом раунде.

Десятки щитов жрецов были разбиты, и они были пронизаны, как сито. После чего они мертвыми попадали на землю.

Что касается епископа... После того, как ледяные лезвия разлетелись вокруг, он, похоже, не беспокоился о жрецах.

«Не смей убегать, ублюдок!»

Когда Бэнджаминь собирался использовать водяной пар, чтобы убежать, епископ приказал фантому наброситься на Бэнджамина - очевидно, ему была безразлична смерть жрецов. Если он мог устранить Бэнджамина, источника всех их бед, он был готов принести жертвы.

Столкнувшись с таким огромным противником, сердце Бэнджамина сжалось.

Черт, как жестоко...

Ему удалось призвать громадный водопад для защиты. Епископ мрачно посмотрел на него и усмехнулся.

«Ты мертвец.»

Лишь стена воды, что еще он мог сделать?

Епископ подумал таким образом, и направил фантом пройти сквозь водную стену, не беспокоясь об этом. Он был готов прикончить Бэнджамина.

Однако, как только фантом вошел в воду, Бэнджаминь лукаво улыбнулся.

«Цыплят по осени считают. Ты можешь просто проглотить свои слова».

Он внезапно контролировал водную стену так, чтобы она окружила фантом и проявила свои уникальные антимагические свойства, став шаром воды, не дающим призраку выйти.

В тот момент, когда это заклинание подействовала, лицо епископа стало кислым. Яркая светящаяся чаша, которую он держал в руках, тоже потускнела.

...Успех?

Однако удерживание фантома внутри было не таким легким делом, как думал Бэнджаминь.

Кроме того, удерживая этот водный барьер, он почувствовал мгновенную мигрень, как будто ногти впились в его лоб. От этой боли он чуть не упал в обморок. Захваченный фантом святого света был смирным в течение секунды, прежде чем взорваться, как кипящая вода.

Бум!

Словно под действием странной химической реакции, фантом вместе с водяным шаром взорвались, вода испарилась в одно мгновение, а призрак взорвался миллионами лучами священного света и рассеялся повсюду.

Священные огни, казалось, вышли из-под контроля и создали опасную атмосферу, когда они стали бесцельно распространяться.

Епископ быстро применил десятки крестов, чтобы сформировать толстую крепкую священную стену, защитившись от хаотичного священного света. Бэнджаминь, однако, упал на землю из-за массивной агонии в голове и не мог реагировать.

«Учитель, будь осторожен!»

Маги позади него внезапно выскочили. Одновременно они прочитали заклинания, и более пятисот слоев элементарных щитов сложились, как матрешки, укрыв одеялом Бэнджамина.

Под действием неконтролируемого священного света щит лопнул, как пузырь. Тем не менее, он послужил своей цели.

Лэнс и несколько наемников тоже выбежали, чтобы утащить временно парализованного Бэнджамина назад.

«Маг Бэнджаминь, ты в порядке?» Лэнс слегка похлопал Бэнджамина, когда с тревогой спросил.

«Я... я в порядке». Бэнджаминь держался за голову от боли и ответил. Боль не ослабевала, но с поддержкой других он смог медленно встать.

Терпя головную боль, он открыл глаза и посмотрел прямо.

Он видел, как епископ стоял там, с недоверием вглядываясь в него.

Столкнувшись с этой ситуацией, каким бы взъерошенным не был Бэнджаминь, он заставил себя улыбнуться и воскликнул: «Что на счет этого? Я уже ясно дал понять, не будь слишком уверен в себе, или, в конце концов, тебе придется проглотить свои слова.»

Хотя он изо всех сил старался поддерживать беспечную манеру поведения, но, честно говоря, последовательность событий, которые развивались после этого, была неслыханной.

С самого начала он использовал иллюзорное зеркало, чтобы ввести противника в заблуждение. Когда он тайно приблизился к епископу, его мотив состоял в том, чтобы уменьшить количество жрецов - особенно тех, кого используют во время кризиса для личной выгоды. У них будет только один крест выживания, и их можно легко убить.

То, что они выбрали более десяти жрецов, которые хотя и казались незначительными, но оказывали огромное влияние на чашу, ясно говорило о том, что функция чаши заключалась в том, чтобы вбирать священный свет, призванный жрецами, смешивать энергию сотни жрецов и испускать такую мощную силу. Поэтому, чем больше жрецов устранено, тем слабее был призрак священного света.

Однако тот момент, когда Бэнджаминь выпустил ледяные лезвия, это была импровизация.

Он не знал, скольких жрецов он задел этим ударом. Но епископ должен был ненавидеть его до глубины души за то, что ему пришлось пожертвовать несколькими своими жрецами, чтобы уничтожить его раз и навсегда.

Бэнджаминь не знал, чувствовать ли гордость, или сожаление.

Но захватить призрака в антимагический водяной шар, это была проблеснувшая мысль. Он думал, что если он отрежет связь между призраком и епископом, фантом рассеется. Но он недооценил силу священного света призрака. Когда Бэнджаминь использовал частицы воды, чтобы отразить священный свет, в нем тоже была огромная отталкивающая сила к водным частицам.

В процессе этого обмена, тем, кто получил сопутствующий ущерб, оказался мозг Бэнджамина.

Антимагический водяной шар требовал высокого количества Духовной Энергии. И чем сильнее противник, тем выше затраты Духовной Энергии. Призрак священного света был явно до предела могущественным существом, ведь он использовал антимагический водяной шар против епископа и более ста священников. Следовательно, затраты Духовной Энергии сокрушили Бэнджамина, и чуть не взорвали его мозги.

К счастью, на этот короткий момент, связь между епископом и фантомом была разорвана. Таким образом, призрак взорвался, и священные огоньки разбежались без какой-либо конкретной цели. Иначе, Бэнджамин, возможно, был бы уже давно мертв.

Вспоминая эту серию событий, он не мог не чувствовать себя безрассудным, но в таких обстоятельствах, без риска, они, вероятно, были бы раздавлены призраком до смерти.

Следовательно, он ни капельки не жалел о своем решении.

За этот раунд, по крайней мере, более десяти жрецов были ликвидированы. Его Духовная Энергия была истощена, и он страдал от головной боли, но он все еще был в состоянии ясного рассудка.

Бэнджамин нашёл несколько флаконов с зельем Восстановления Духовной Энергии и выпил их все. Его головная боль немного ослабела.

Он все еще держится... Он сделал несколько медленных вдохов. Он все еще может сражаться!

«Что? На столько ошарашен, что ты не можешь говорить?» Он вспыхнул на епископа и громко рассмеялся, прежде чем продолжить: «Не волнуйся, я не убегу, пока ты не убежишь. Сегодня мы здесь для одной вещи: - Мы заберем твою жизнь!»